

МЕЗЕНСКИЕ СКАЗКИ В ЗАПИСЯХ ЭКСПЕДИЦИЙ ОТДЕЛА ФОЛЬКЛОРА ПУШКИНСКОГО ДОМА 1958—1961 гг.

Публикация и комментарии Я. В. Зверевой

Мезенский край богат фольклорными традициями. Наряду с песнями, былинами, причитаниями, заговорами местные жители сохранили в своей памяти сказки, предания, легенды и другие образцы народнопоэтического творчества. Долгое время внимание ученых в основном было сосредоточено на эпическом жанре и на песенном фольклоре.¹ Местная сказочная традиция фактически не подвергалась специальному изучению.

Своевременность изучения мезенских сказок определяется актуальными задачами подготовки Свода русского фольклора, главная цель которого — «составить полную картину исторической жизни русского фольклора».² В 2001—2006 гг. вышли три тома былин Мезени,³ активно ведется работа над следующими былинными томами, в обозримом будущем начнется подготовительная работа над серией «сказки».

---

¹ См.: Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967.

² *Микушев А. К.* Русский фольклор в иноязычной среде : (Проблема освоения иноязычной фольклорной традиции) // Русский фольклор : Полевые исследования. Л., 1985. Т. 23. С. 33.

³ Свод русского фольклора : Былины в 25 томах: Былины Мезени / Корпус текстов, коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов; Отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2003—2006. Т. 3—5. Далее — Былины Мезени, с указанием тома, номера текста или страницы.

Реализация этих планов и издание мезенских сказок будут возможны только после изучения региональной специфики жанра и решения вопроса о целесообразности публикации сказок по регионам бытования. Как отмечала И. А. Разумова, «проблема региональной специфики — это проблема вариативности. Жанры фольклора проявляют локальную вариативность по-разному и в неодинаковой степени. На наш взгляд, изменчивость сказки, исключая диалектные, неспецифические отличия, значительно меньше, чем былины песенного фольклора, несказочной прозы и других жанров».⁴ Сравнению различных локальных вариаций сказок должно предшествовать выявление и введение в научный оборот еще неопубликованных текстов.

О богатой фольклорной традиции Мезени стало известно в середине XIX в., когда вышла книга писателя-этнографа С. В. Максимова «Год на Севере».⁵ По свидетельству А. Д. Григорьева, занимавшегося преимущественно собиранием былин, сказки на Мезени были; довольно часто встречались певцы, которые были «готовы попробовать переложить в стихи и сказку (Анна Потрухова, Андрей Тяросов на р. Мезени)».⁶

Целенаправленное собирание сказок в регионе началось в XX в. В 1926—1928 гг. Секцией крестьянского искусства Государственного института истории искусств, объединившей в 20-е гг. специалистов разного профиля, были организованы комплексные экспедиции в районы Русского Севера (в Заонежье, на Печору, Мезень и Пинегу). Участниками экспедиции 1928 г. по обследованию фольклорной традиции Мезени были музыковеды З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус и филологи А. М. Астахова, в задачу которой входило собирание былин, Н. П. Колпакова, записывавшая лирику, а также И. В. Карнаухова, А. И. Никифоров, И. М. Левина, собиравшие сказки.⁷ В ходе экспедиции было обследовано 17 деревень (Вожгора, Пустынь, Родома, Белощелье, Лампожня и др.), в которых А. И. Никифоровым было записано 279 сказочных текстов, И. В. Карнауховой — 53, и 10 сказок — И. М. Левиной. Частично этот материал вошел в сбор-

---

⁴ Разумова И. А. Сказочная традиция в Заонежье : (К проблеме регионального изучения сказки) // Рябининские чтения-95. Петрозаводск, 1997. С. 98.

⁵ Максимов С. В. Год на Севере. СПб., 1859.

⁶ Григорьев А. Д. Предисловие // Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа : В 3 т. СПб., 2002—2003. Т. 1. С. 21.

⁷ Материалы экспедиции хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, р. V, кол. 5).

ники «Сказки и предания Северного края» И. В. Карнаухова⁸ и «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова»⁹.

Возобновление работы по изучению эпической традиции в бассейне Мезени произошло через 30 лет. В июле—августе 1958 г. состоялась фольклорно-археографическая экспедиция Института русской литературы АН СССР в районы нижнего и среднего течения Мезени, т. е. «по следам» А. Д. Григорьева, но с охватом населенных пунктов на р. Вашке.¹⁰ В состав экспедиции кроме фольклористов Н. П. Колпаковой, В. В. Митрофановой, З. И. Власовой, музыковедов Ф. В. Соколова и В. В. Коргузалова вошли также исследователь древнерусской литературы Н. Ф. Дробленкова и филолог-лингвист А. П. Евгеньева,¹¹ которая работала в паре с Н. П. Колпаковой, собиравшей былины и песенный фольклор, а также с В. В. Митрофановой. В архиве А. П. Евгеньевой¹² обнаружены две фрагментарные записи сказок, которых нет среди материалов экспедиции 1958 г. Собиране сказочного материала не было специальной задачей экспедиции и велось попутно. Н. П. Колпакова так писала в отчете: «Сказки известны широко и живут в семейном обиходе, в основном рассказываются детям; известных сказочников, которых слушали бы взрослые, нам нигде назвать не могли. В различных местах имеются рассказы типа преданий об истории отдельных деревень, угоров, попытки объяснить происхождение того или иного географического названия, но очень отрывочные и конспек-

---

⁸ Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. статья, коммент. И. В. Карнаухова; Предисл. Ю. М. Соколова. Л., 1934.

⁹ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

¹⁰ Подробнее о целях, маршруте экспедиции и объеме собранного материала см. в отчетах ее участников: *Колпакова Н.* На Мезени // Советская этнография. 1960. № 2. С. 171—173; *Митрофанова В. В.* Мезенская экспедиция 1958 года // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 422—423; *Дробленкова Н. Ф.* Поиски рукописей на Мезени // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 528—538, а также среди материалов экспедиции, хранящихся в Фольклорном собрании Рукописного отдела Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190).

¹¹ Анастасия Петровна Евгеньева (1899—1985) — диалектолог, лексикограф, исследователь языка фольклора. А. П. Евгеньева примкнула к экспедиции для сбора материалов по теме «Язык былин». Ее задача заключалась в собирании фольклора и параллельном ведении записей живой разговорной речи этого же лица. См. черновой вариант «Отчета старшего научного сотрудника <Ленинградского отделения Института языкознания> Евгеньевой А. П. об экспедиции в район Мезени летом 1958 года», который хранится в личном фонде ученого (РО ИРЛИ, р. V, ф. 283). Материалы находятся в научно-технической обработке, поэтому здесь и далее ссылки приводятся только на номер фонда.

¹² РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

тивные».¹³ В ходе экспедиции З. И. Власова записала четыре сказки от одного исполнителя, Емельянова Антона Артемьевича, 66 лет из деревни Смоленец Лешуконского района.

Летом 1961 г. сотрудники ИРЛИ АН СССР В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов, С. Н. Азбелев вновь собирали фольклор на Мезени, по следам экспедиции 1928 г. и, продолжив работы 1958 г., обследовали Лешуконский район выше села Лешуконского по течению реки. Экспедиция побывала в 17 деревнях (Родома, Вожгора, Лебское, Кыса, Усть-Низема, Чучепала и др.). В задачи экспедиции входил сбор материала к готовящемуся сборнику «Песни Мезени», изучение состояния песенной и былинной традиций в регионе,¹⁴ параллельно записывались сказки и прозаический фольклор. В. В. Митрофанова отмечала, что сказки в обследованных деревнях бытуют более живо, чем даже былины и духовные стихи. «Мы записали их три: про попа Семена и дьякона Калистрата, про дедушкин колпак, про Незнаюшку. Сказку про дедушкин колпак рассказал Василий Маркович Бобрецов 78 лет из деревни Усть-Низема. Он очень интересный человек, знает и еще сказки, но перечислять их отказался. Работать с ним долго у нас не было возможности. Сказки рассказывают детям, охотно слушают их и взрослые. Правда, сказочников очень мало. Большой популярностью пользуются рассказы про охотников. Их знают бесчисленное множество, здесь и рассказы фантастические и о подлинных событиях, которых на Мезени случается много, так как здесь занимаются охотой».¹⁵

Осенью того же года в Удорский район Коми АССР Коми филиал АН СССР направил Ф. В. Плесовского, в задачу которого входило собирание сказок народа коми. Туда же с целью зафиксировать бытование русской фольклорной традиции выехала Т. И. Орнатская, сотрудник Отдела фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. В ходе экспедиции ею были обследованы деревни Удорского района Коми АССР и граничащего с ним Лешуконского района Архангельской области. Т. И. Орнатской удалось записать произведения различных жанров: песни, романсы, свадебные и похоронные причитания, частушки и шесть сказок, рассказанных коми на русском языке.¹⁶

В последующие годы фольклористическое обследование традиционной культуры Мезени велось сотрудниками Института

---

¹³ РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 2, № 341, л. 24.

¹⁴ Подробнее о целях и результатах экспедиции см.: *Митрофанова В. В.* Отчет об экспедиции на р. Мезень в 1961 г. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 1).

¹⁵ Там же, с. 5—6.

¹⁶ Сказки были опубликованы. См.: Русские сказки в Удорском районе : (По материалам экспедиции 1961 г.) / Публ. Я. В. Зверевой // Ежегодник Рукописного отдела на 2007—2008 гг. СПб., 2010. С. 661—668.

этнографии АН СССР (1971),¹⁷ студентами Московского государственного университета (1975—1976),¹⁸ Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных (1984). Результатом поездок сотрудников Института русской литературы — В. В. Коргузалова и Г. В. Матвеева в пос. Каменка (1976), А. Ю. Кастрова, Ю. И. Марченко, Л. И. Петровой и С. П. Ползковой в деревни Быченского с/с (на р. Пёзе) в 1982 г. — стали многочисленные записи местных песен разных жанров, дополненные образцами мезенского эпоса.

В Удорском районе республики Коми, в зоне наиболее тесно взаимодействия русской и коми культур,¹⁹ собирательскую работу проводили участники совместной фольклорной экспедиции Московского и Сыктывкарского университетов под руководством Н. И. Савушкиной (1977).²⁰ В ходе обследования был собран богатый материал по всем жанрам фольклора, в том числе 193 сказки, записанные от коми исполнителей на русском языке. Дальнейшее обследование региона проводилось сотрудниками и студентами Центра фольклорных исследований при Сыктывкарском государственном университете. В 1988—1989 гг. под руководством А. Н. Власова состоялись две фольклорно-археографические экспедиции, в ходе которых также были собраны сказки.²¹

В данную публикацию помимо сказок включены быличка «Невеста из бани», бывальщина «Про охотников», поскольку эти тексты содержат элементы сказочного повествования.

Сказки и бывальщины, записанные З. И. Власовой, В. В. Митрофановой и С. Н. Азбелевым, приводятся по перебеленным, а тексты, зафиксированные А. П. Евгеньевой, — по полевым записям.

---

¹⁷ См.: *Дмитриева С. И.* Особенности современного фольклора на Русском Севере // *Традиции и современность в фольклоре.* М., 1988. С. 36—52.

¹⁸ См.: *Кочетов В. Н., Кулагина А. В., Савушкина Н. И.* Коротко об экспедициях // *Советская этнография.* 1976. № 4. С. 173—174; *Савушкина Н. И., Кулагина А. В.* Экспедиционная работа кафедры русского народного творчества // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.* 1977. № 2. С. 72—78; *Ванюшина И., Еремина Н., Жукова И. и др.* Современное состояние жанров фольклора в Лешуконском районе // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.* 1987. № 6. С. 50—56.

¹⁹ Большое влияние мезенского региона на фольклор удорских коми отмечали А. К. Микушев, Ф. В. Плесовский, В. М. Кудряшова и Н. С. Коровина.

²⁰ См.: *Померанцева Э. В.* Русская сказка в устном репертуаре коми // *Советская этнография.* 1979. № 6. С. 43.

²¹ Подробнее об экспедициях Центра фольклорных исследований при Сыктывкарском гос. университете см.: *Старообрядческий центр на Вашке : Устная и письменная традиция Удоры : Материалы и исследования / Отв. ред., сост. А. Н. Власов.* Сыктывкар, 2002. С. 105—129.

А. П. Евгеньева как собиратель ставила перед собой задачу параллельного ведения записей фольклорного и диалектного материала от одного и того же рассказчика. Записи сказок велись ею в фонетической транскрипции речи исполнителя: в текстах приводились знаки ударения, указания на смягчение согласных (п'етна́ц'ц'ет, ста́рос'т'и, пр'ид'ет), для обозначения палатального согласного [й] использовался знак [j] (јес', ја, јехат').

Ведение фонетической транскрипции требовало большого количества времени, поэтому собирательница не всегда успевала записывать сказку целиком. Тексты содержат множественные лакуны, некоторые предложения не имеют конца. Несмотря на это мы сочли необходимым опубликовать записи А. П. Евгеньевой, поскольку они представляют собой яркие образцы затухающей ныне сказочной традиции.

В текстах знаки препинания приведены в соответствие с современными правилами. Восстанавливаемые части слов заключены в угловые скобки. Знаки ударения и смягчения согласных не ставятся. Толкования диалектных и просторечных слов не даются.

В случаях, когда название сказки не указывается собирателем, оно заключается в угловые скобки.

В комментарии к сказкам номер сказочного типа дается по СУС, сюжеты соотносятся с другими севернорусскими вариантами того же сказочного типа (по изданиям, используемым современными исследователями). Ссылки на сюжеты приводятся в том виде, в каком они даны в СУС: в ссылке на каждый источник указывается том (часть, выпуск) издания и номер текста (через запятую); номер текста внутри раздела и страницы, если разделы сборника имеют свою нумерацию; или только страницы, если нумерация отсутствует. В случаях, когда вариант приблизительно или частично соответствует сюжетному типу, к которому он отнесен, номер текста берется в скобки.²² Названия источников даются в виде условных сокращений, которые раскрываются в «Списке сокращений» к данной публикации.

ЗАПИСИ 1958 г.

1. Сказка первая <<Невеста из бани>>

Бывало-живало в каком-то селе, была молодежь, собиралась на игрища. В конце деревни была байна, в нее ходить боялись, а один удалец выискался. Часов около 12 ночи заскочил в байну, схватил камень, а с ним попал платочек шелковый. А их было два

---

²² Подробнее о принципах СУС см.: СУС. С. 23.

брата, а третья сестра. А ребята ему поставили бутылку вина за храбрость. Только по рюмке выпили, кто-то говорит: «Эй, Федор, где взял, там и положи!» Он испугался и — домой. Пришел, сел поужинать, брат и сестра тоже. Подходит к окну, слышит: «Эй, Федор, где взял, там и положи!» На завтрашний день пошел к священнику. Тот отпел его заживо и в 12 часов ночи опять пошел в байну. Только ступил — хлоп! Двери на крючок. Слышит голос: «Если б ты, Федор, меня выручил, я бы тебе спасибо дала. Женись на мне. За это все скажу. У вас есть место Волосы. На Волосах будет дом огромный, большой. Тебя встретит дедушко. Ты сватайся. Он тебе золото, серебро будет давать, ты не бери. Зайди в боковушку, собери всякого барахла и проси его себе». «Хорошо!» — говорит. Двери открылись, он и пошел. Приходит домой и говорит: «Ну, папка, надо жениться. А невесту сам приведу». Вот едет куда было сказано, и дом там стоит как раз как было сказано. Дедушко их встречает (он с хресным поехал). А хресный его был человек с умышленностью.

— Мы-де за товаром да за особым, дочь у вас есть.

— Ну что ж, — говорит, — можно отдать, ей годов около двадцати.

— А какое возьмете именье? Пойдемте посмотреть богатство. Повел их, показывал и золота, и серебра, и одежды всякой.

— Что возьмете в приданное?

А жених говорит: «Мне, дедушко, ето не надо, куда мне золото, мне его хватает! А что же, дедушка, мы не зашли в боковушку?»

— Да там хлам разной!

— Пойдем!

И стал набить себе тряпье разное, мешки худые и ящик запросил, который в боковушке стоит (?).

— Мне, мол, хлеб ссыпать и то годится!

Потоптался старик, помялся.

— Жалковато тебе отдать этот ящик.

— Не отдашь, как хочешь. Я и другую невесту найду. Пойдем, хресной, домой!

Согласился старик: «Ну, ладно».

Вот пошла молва по селу, что свадьба, что Федор женится, а у кого берет — неизвестно. Сватался в байны. А мать и отец у него испугались: с едакой штуки невесту берут! Поехал на другой день за невестой, а народ смотрит, то на байны, то на крыши налезает, глядит! А он приданое склал, ящик поставил сам себя и едет, назад не глядит. А сзади из ящика образовался гроб. Народ от в уход по деревне. Гроб остановился на деревне у церкви и вертится. А попу — венчать. Ну раз такое дело — некогда расчухариваться. А после венца етот гроб домой и на коридор, а молодых-то скорее повели в другую комнату. Молодая и говорит:

«Раз ты меня сумел взять, сумей и удержать. Возьми дома крест и чистую рубаху и с маху на меня надевай». А хресной подслушал, скорей приготовил все. Парень живо взял, надел — боевой был. «Вот теперь, — говорит, — я твоя. Двадцать лет находилась в беде-то такой». Он берет ключи, открывает ящик, а там всякое ему удовольствие. А на завтрашний день собирает настоящую свадьбу.

2. Сказка вторая «Потороча — одна нога короче»

Женился у одного кресьянина сын, детей у его много, а кормить нечем. Придумал заняться воровством. Пошел Потороча к большой дороге, повесил шапку на сук. Едет барин.

— Что, Потороча, делаешь?

— Учусь воровать.

— А научился?

— Научился.

— Украдь у меня коня. Украдешь — награжу казной, не украдешь — голова с плеч. И уехал в свой город. Думал Потороча, думал, купил лошадку троеногу, мяса, пшена побольше и отправился. А где конь-от купеческой находился, надо подыматься на угор. А купец-от выставил охрану, собак много и петухов, чтобы закукарекали, как кто беспокоит.

Подъехал Потороча, а лошадь его на угор не идет. Он и кричит: «Помогите, ребята, лошадь затащить!» Пока оне маялись, он собакам — мяса, петухам — пшено, чтобы не пели, сел на коня и ускакал, никто не слышал.

На другой день пошел в город, напился (а он пьяница был), лежит на мостках. Прибежали от купца слуги: «Тебя зовет!» Пошел, тот его к себе: «Коня украл?» «Украл!» «Где деньги?» «Деньги пропил». «Конь — что! А ты вот свадебную постель укради из-под меня! Я завтра женюсь».

Потороча дождался, как молодые легли; тихонько, тихонько забрался ночью, кухарке связал косу за косу, зашел в спальню, да тихонечко воды горшок на кровать-ту и вылил. Тот разбудился, смотрит — мокро. Сейчас на жену. Пошли кухарку будить, чтобы сухое дала, а Потороча схватил постель, да и убежал. Пришлось его наградить. Ладно. «А вот, — говорит, — шкатулка у меня с драгоценностями, золото там. Ей, ежели украдешь — твоя». Ну что делать?! Научился воровать — надо дойти до самой пяты. Сходил на кладбище, выкопал покойника. Сделал трон большой, да ночью покойника-та и пехат к купцу в окошко. А тот не спит, караулит шкатулку-то. Увидел в окошко кто-то лезет. Раз, и голова слетела. Выбежал, слуг зовет: «Тащите хоронить!» А Потороча в тот же раз шкатулку и взял, да бежать. Купец пришел — шкатулки нет.

— Где деньги?

Кто взял, не знают. На другой день побежали в город, его нашли опеть на мостовых. «Где деньги?» «Часть пропил, часть домой послал, ребятишкам». «Ну, — говорит, — тебе еще одно задание. Если ты сумеешь мою жену украсть, я тебе целое именье дам».

Как тут быть?! Как украсть жену?! А вот раньше хоть куда — все на лошадаках ездили. Купил Потороча пару ботинок таких, что и в городе не купишь. Сел на дорогу, припрятался будто, а один штиблет положил у дороги, где купческа-та жена ката-лась. Слышит едут. Увидела она ботинок, кричит: «Стой, надо поднять! Вот один, а там, наверно, другой!» Кучер побежал за ботинком. Потороча сел на козла и айда в город. Заложил ее — потом-де выкуплю. А купец ждет неделю, другую. Потороча опять ходит, пьет по городу. Купец за ним посылает: «Жену украл?» «Украл!» «А можешь привезти обратно?» «Могу». И привел ее. Купец говорит: «Ну, молодец! Но ты меня с ума свел, а сведи еще архирея с ума, тогда именье твое». Что придумать?

Сходил в город, купил полотна хорошего, чистого. Приделал себе крыльё и пошел. Приходит ночью к архирею. «Я, — говорит, — сегодня тебя понесу на небеса, Господь мне приказал. Только сходи сперва в баню, зашейся в куль». А дело-то было под праздник.

Приходит Потороча в баню. Из куля спрашивают: «Кто пришел?» «Ангел Господень!» Потороча берет куль и тащит в церковь, на колокольню. Привязал за край колокола и записку написал звонарю: «В колокол раз ударь, а по кулю два за три. А если не ударишь — трою проклят». Звонарь так и сделал. А архирей думат — за грехи есть ему и говорит: «Грешен, господь, за грехи мои воздаешь!» Вот обедню служить надо, а архирея нет. Приходит звонарь, рассказыват. Побежали, зашли на колокольню куль посмотреть, отвязали, а там архирей в покойницкой одежде. Так Потороча с ума свел архирея. А купец-то был-от то сам государь, наградил его и именье дал. Так и теперь живет.

3. Сказка третья. «Девьё царство»

Было где-то девьё царство. А у одного купца было три сына, и в книгах он вычитал, что есть хитрости, мудрости. И вот, — говорит, — кто из сыновей их найдет, тому сыну отдам все богатство. Старшие сыновья пошли искать, а потом и Иванушко выпросился. Приходит он к перевозу, как вот на Мезени. Старика просит перевезти, а старик говорит: «Садись». А у самого топор. Иван-от махнул, да голову ему и отрубил. Переправился, а на берегу его братья зарублены лежат. Шел он, шел, приходит

к морю. Видит: пять лебедей кладут в мешки пшеницу. А потом стали сами купаться и обвернулись женщинами. Иван и полез в один мешок. Выкупались и полетели в девье царство и мешки понесли. А Иван-от в пшенице. Оне и его перетащили. Когда мешки-те сбросили, он к бабушке пробрался. А она услышала его дух — мужской-де пол. Ну, купила ему женско платьё и назвался он Анюткой. А красавец был! В церковь пошел, все на его смотрят, и царевна. Велела слуге его привести. Стали угощать его, а он рассказал, что вырос у бабушки, что зовут его Анюта. Вот оне и подружились с царевной, а потом и женились. У нее через несколько времени родилось два сына. Тогда она и узнала, что это мужчина и надо было его скорее отправить, чтобы не распространилось, что есть в государстве мужской пол. Позвала она пять лебедей, дала мешок, туда его завязала, а к тому дала ему такой подарок, что он голодной не будет — скатерку-хлебосолку. Только розверни — сейчас хрустальной домик и все готово. Лебеди полетели, а она взяла подзорну трубу, следит, чтобы его не увидели в мешке. Лебеди перенесли его и улетели, а он пошел, развернул скатерку, и тут у его оказалось все, что надо. Видит — не обманула она. Сидит, пьет, закусывает. Идет старый человек.

— Давай, — говорит, — поменяемся: есть у меня дубинка. Скажи только: «Качни, вальни» — всех побьет. Переменились. Иван думает: «А ну-ко, попробую, не обманул меня старик. Качни его!» Дубинка так старика и разрежала напополам. Иван взял себе все: скатерку-хлебосолку и дубинку. Опять сел, ест. Идет другой старичок. «Поменяемся, — говорит, — у меня есть плетка-живулька. Хоть тыщу человек оживит». «Хорошо». Сменялись. Опеть дубинка и этого россекла, а Иван пошел вперед. Приходит к старому перевозу, где старику голову срубил, видит: много там мертвых. Плеткой-живулькой кого стегнет, тот и оживет. И братьев оживил. Приходит домой к отцу ночью, развернул скатерку, посиживает, закусывает. Отец проснулся, гледит: дом стоит, каких и не видывал. Кто смел тут дом поставить? Послать солдат! Солдаты пошли, а дубинка повалила их мертвыми. Отец новых послал. До того дошло, чуть все государство не прерубил. Тут отец сам пошел: «Кто есть такой там?» Выходит сын навстречу: «Здорово, папаша!» «Да, ты, — говорит, — что делаешь, мне все войско порубил!» «Да, как ведь ты меня послал по все хитрости-мудрости». Взял тут плетку, всех оживил. «Ну ладно, что тебе за это надо?» Пойте меня бесплатно вином. Собрал себе компанью босоногов: «Пейте, пока я здесь». Через год идет корабль, выноватого просят. А кого — неизвестно. Посылат отец старшего брата. А ето из девьего царства корабль, царевна на ем сама приехала, а ребята-то уж большие, спрашивают: «Мама, это наш папа?» «Нет, — говорит, — это ваш дядя». Завернули его.

И второго брата так же. «А Иван-от где?» «А он в городе пьет». «Давай, выстилайте ковры вплоть до казенки!» — велит она. «Мама, — ребята-те говорят, — какой-от пьяница идет!» «Нет, — говорит, — то ваш отец. Сейчас же его возьмите и отчаливайте!»
И не стало с тех пор больше девьего царства.

4. Сказка четвертая. «Мельник (Без рук девушка)»

Эту сказку-то я годов десяти слышал, на Пинеге. Память тогда была хорошая.

В малом селе был богатой мельник. Возле мельницы груши и яблони росли большие. Дочка у его была, годов пети, красавица. Вдруг все потерялось: деньги ушли, яблони не росли, обнищал. Пошел мельник в лес дрова рубить. Встречается старичок. «Что же, — грит, — ты сам себя маешь рубкой. Хочешь я тебя награжу казной и яблоки опеть будут. Только отдай то, что сейчас стоит за мельницей, и когда ты приедешь — будеть стоять». Думал, думал мельник: «Да ничего там нет!» «Ладно, — говорит, — согласен». Приехал из лесу — жена встречает. «Что же, — говорит, — мужик, у нас момент все появилось?» «А то, — говорит, — дал стар человек». «За что?» «А я дал роспись отдать через десять лет то, что сейчас есть за мельницей». Жена догадалась: дочь отдал! Ну хорошо. Вот, девятнадцать лет дочке, живет она честно, без грехов. И вот надо ей идти к пруду, там ее старик-воденой и возьмет. Она очертилась мелом, святой водой обрызгалась, идет. Старичок и не может к ей подойти, саженой трицать, кричит: «Зови отца! Если, — грит, — другой раз мел не уберешь, самого утащу!» «Хорошо». Отец все у ей спрятал, мел и воду. А она омылась слезьми, и старик опеть не может близко подойти никак. Говорит тогда водяной отцу: «Отруби у ей по локоть руки, а то богатства не будет и самого утащу!»

Отец идет к дочери, а она протянула ему руки. И тот отрубил! А на завтра опять пошла к тому места. И старик опеть не мог ей подойти. Но больше у отца жить не стала, пошла страдать по белу свету. Попала она к саду, кругом фрукты всякие, а не подойти — канава с водой большая кругом. А ей поесть уж охота. Тут канава стала льдом, она перешла, нарывает ртом яблоки. Сторож-кладовщик смотрит, думат: «Что такое!» Она ушла, а садовник назавтра рассказывает королю: «Не знаю, кто и был, дух или человек, только весь в белом». «Если ты, садовник, не врешь, я, — говорит, — возьму священника, который с духом заговорит». И со священником сам пошел. Видят: стоит у сада что-то в белом, и ртом к яблокам тянется. Священник и спрашивает: «Кто ты, дух или человек?» «Я — бедная девушка без рук». Король пожалел и позвал: «Поди сюда, я тебя сделаю искус-

ственные». И взял ее вместо дочери к себе, а потом женился на ней, руки ей сделал по локоть серебряные. Тут война оказалась, и требовали короля на войну. А она в положеньи. Когда родился мальчик, написали папаше, где он находится, письмо. А посланник дорогой-то уснул, и дедушка водяной, который взять ее не мог, подsunул письмо другое, что родила уroda. И почерком тем же написано. Король читает письмо: «Ну, ладно, — говорит, — какой бы не был, пусть живет». И отправил ответ с тем же письмом. А посол опять на том же месте спать захотел.

Водяной и переменял письмо на другое, а в том письме сказано: выселить совсем ее и с дитятей из этого места. Слуги и выгнали. Привязали ей ребенка на спину, и пошла она страдать по белу свету. Зашла в тайгу, такую тайгу, непросветимую. Стоит изба, на ей надпись: «Кому угодно заходите. Можно». Выходит девчонка, как белой снег. «Оставайтесь здесь, я для вас и живу тут, могу вашего сына воспитать». И стали оне тут жить. А король пришел с войны, ищет везде жену, сам ездит. Заехал в тайгу, и вот вперед будто дорога есть, а обратно нет, не кажёт. Смотрит — изба. На ей надпись «Кому угодно заходите. Можно». Заходит. (А сына его звали Горемыка.) Выходит девушка как белой снег, собирает ему покушать. А он говорит: «Пока жену не найду, есть не буду». Закрылся платком, на лавку лёг. А платок-от пал. Жена и посылает Горемыку: «Закрой, сынок, отцу глаза». Тут он и прохватился. «Девушка, где здесь моя жена?» А она говорит: «Да, жена здесь, а я воспитываю вашего сына. Тогда он взял жену и уехали все домой, на родину. Стали жить-поживать, добра наживать.

5. Сказка <«Муж ищет похищенную жену»>

Ни в котором ц<арстве>, ни в котором государстве, именно в том, в котором мы живем. Начинаем рассказ, люди добрые, для вас. Не в кот<ором> селе, не в которой деревне. Горя было хватало, наверно, так как у меня. Жил был кресьянин, у его было три сына. Ростил он их до двадцвух возраста. Отец сыновьям и говорит: «Выростил я вас до 22-летнего возраста и тепере нать добывать где-то денешки». Один сын и говорит: «Так што, татка, я пойду наживать деньги. Купи мне пальто, хорошой платьё, троску камышову и дайте 50 рублей на дорогу денёг». Отец собрался с духом и фсе его <нрзб>. «Вы куда дато пойдете деньги нажи<вать>. А я пошел в Ленинград».

Сказка скоро говорится, дело медленно творнице. Пришел. Зашел в столовую <нрзб>. Нать ишши на фабрики, надо работу просмекать.

Ходит какой-то человек в собольней шубе на распашку. Потом третий раз <нрзб>. Он и спрашивает: «Молодой человек

приятной наружности». «Я, милостивой государь...». «А я ищущу казака — работника. Мое условие 100 р. плата, питанье готовое. Если <нрзб>. Как проживешь с условия». «Я, государь, <нрзб>. Како только тебе надо. А кака у тебя работа». «Дом у меня трехэтажный и <в> третьем этаже <нрзб>. Сидеть и дрова в топку бросать. Три котла два раза в год».

Поступил этот работник к этому купцу. Кочегар сидит. У меня наливаеще вода два раза в год. Берет рейку и отмерят тяги железные. И видит: сидят в котле три девушки, и вокруг вода кипит. И опять пер тяги, замкнул котлы. Ты бери ключи, отворяй замки, открывай тяги железные, снимай колпаки.

Вот живет да живет. Полкан все никуда не выходит. Дождит две недели. Раз звонок звонил. Одна девушка и говорит: «Молодой человек приятной наружности, выпустите, сделай милость». Одна девушка убедительно просит и говорит: я тебе дам шарик, ты его на землю опусти, и вы, говорит, когда...

Только когда зайдешь в магазин <нрзб>. С там весит пальто <нрзб>. Он взял и плеснул воды, они все и выскозили, обернулись голубицами. Она ему все-таки дала ему шарик. Плюс к тому говорит: ты...

Приходит хозяин, приводит второго работника наливана вода. Два раза в год наливаеще. Пришел к этому хозяину, хозяин польта протиф зеркала. Куда хотишь. Он говорит: што ум, барин <нрзб>.

Пехнул руку в корман, оказался кошелек не шибко корысной. Замша вся повытерлась, в кошельке оказался один грош. Повернул его и кошелек полон золота. Шарик покотился.

За болота и за ручьи, и куда. Стой, шарик, не катись, шварнул о дерево, шарик рассыпался и выскозили 36 молодцей. Что, хозяин, прикажешь?

Тут шарик будь передо мной, шарик покати...

Питенья и еденья, кушания сколько хош перед ним. Шарик опять покотился, он поскорее, шарик, поскорее.

Стоит избушка на курьих ношках. Стань ко мне...

Заходит в избушку. Сидит старая старушка. Старая корга не напоила, не накормила, стала вестей спрашивать. Она с печи соскозила, все..

Жил у купца, кипятил три котла, увидал 9 девушек.

Знаю, говорит, да ей она будет мне сродни, как бы племянница. Трудно тебе будёт за ней дойти. Я тебе дам троску. Шол, шол, троска показалась ему тяжела. Он ее о землю и хлопнул, выскозили 36 молодцей, семой кривой.

Избушка, повернись к лесу глазами, к нему дверями. Зашел, сидит старая старуха. Проходите, молодой человек, приятной наружности. И вот ноцевать. И стал рассказывать. Вот я одна девушка дала мне шарик. Вот по этому поводу я и иду. Я тебе по-

могу, милой человек. Я тебе дам рожок. Хорошо, благодарю вас. Шшо то приходитце на пути большие нелады будут. Вот время подходит опять к вецору, к избушке подходит к лесу глазами, ко мне воротами. Входит.

Соскоцила, напоила, накормила, стала вести спрашивать. Вот я знаю ей. Ты сичас пойдеш и пойдеш о синёе морё. Волны силь-но большие, море бушует, шумит.

Колода. Пусть <нрзб>.

Скаска скоро говорице, дело мешкотно творице. Вот при-шел к синю морю.

Колоду повернули, вниз дном и сел он в эту колоду и пошел. Разбежалась колода и заскользила.

Опять повернули колоду кверху дном. Опеть шарик пока-тился. Он: «Поскорее, шарик, поскорее». Как в яму спускался, там ход очень хороший, как <в> Москве метро. Шарик покатыл-ся, и он пошел. Идет, идет, столько видит свет, он вышел и ви-дит — стоит дом весь в серебре, да в золот<е>, пришел. Вокруг дома ограда и стоят люди караульные, не пускают. «Нать разре-шеньё получить у государыни. Можом мы донести твои слова или гумашку». «А донесите так: вы дали шарик и за шариком велели идти, и этот человек пришел ко шарику сюда и хочот вас видеть». Она призналась и велела его запустить. «Вот вы, — го-ворит, — меня освободили от идола от чужого, вот он и гуляет». Баш сутки прожили. «Ничего мне не надо баш одно слово надо: не хотите ле идти за меня замуш?» Она ответет: «Да ето трудной вопрос. А вот тебе ковер самолет как ероплан». Закусили, сели на ковер и полетели... Пошла к етому дубу. На берёзе весьнет меч. «Ты каков силай?» Тот поскочил к мечу и не может. Возле тот же меч веснет. Отперла, зашла она в березу и стоит бутылка водки. Дала ему выпить. Он втору бутылку выпил, он меч с сука сдернул.

Третью бутылку выпил, схватил меч и бросил. Возьмем саб-лю вострую. Прилетели, он сидит, закусывает. Ты ссеки ему го-лову, пока он не схватал саблю со спички. Хотел схватить. Голова попала на пол и кричит: «Бей мене!» Разрубила его туловишшо и снесла в те корм, где она сидела. Домой они полетели.

6. Сказка <<Про Вехорево царство>>

Ездил царь, прогуливался по цисту полю, налетел Вехор, унес на гору высокую. И вот сыновья поехали есь искать маму. Иван вырос и просит: «Поеду искать маму. Есь ли у меня...».

У его Вехор выхватил его жону. «Дай мне-ка, папенька, бла-слвленьицо в цисто полё погулят, матушку поискать, свою не-весту прибирать». Фсе-таки. «Куды жо ты, дитятко». Вот уж не-

отклонно стал проситься. Поехали два брата Василей да Федор, «а пусти, папенька!» Вот ехал, ехал, ехал по цистому полю, по широкому раздолью, приехал к Вехоревой горы, а братья стоять, сперва-та, не знали друг дружку. «Дак и я маменьку поехал искать!» Назвались. Закинуть, а не заразить. Иван кинул на полгоры заразил, другой раз кинул, на всю гору заразил. Вот пойду, а вы эту цепь не стегайте, бывает и маменьку приведу. Вот он пошел, шел, шел и нашел медной дом, там девушка сидит. Вот етот Иван-царевич пошел, клубок катитсе, катитсе, и видит по праву руку сидит девушка, говорит: «Куды ты, доброй молодец?» Она дала ему братыню пива. Он заспал крепким сном богатырским. Она разбудила его и дала клубок. Он пошел. Он эту пиву выпил и заспал крепким сном богатырским. Она: «Дам тебе клубок, да дам ключок. Ты иди до Вехоровой реки». Он стал походить. «Докуль клубок катище, дотуль и ты поди».

Фу-фу, цую русской дух. Ты не бреди, он до оборин збредет, ты не иди, как по колен збредот.

Клубок фсе катище. Вот эта рука и сколыбаласе. «Ну, здесь перевозов нету, переходов нету. Я нечего не знаю. Ну-то, ты, збреди наперед. Иван-от до колена. А наши руски богатыри поодинов бьют и другой рас не прибавляют, а ему Вехорь унес дак».

Вот он рецку шол-шол, стоит платок, потом цуют: свиньи гырцат, собаки лают, а ему хлепча дала. А ёго мамаша стала стара-престара, зыпку кацают. «Ишшо тебя заставило сюда попадать?» «Слыхи пропали, что мама сюда попала». «Мне уж не привиделось ле, не поблазнилось ле, сын, Ванюша, ты?» Она средилась, дом в еицко свернула, в корман ёму поклала, они и пошли. Она их и будит. «Ну, Иван-царевич, срежайся, пойдем, я замуш возьму, я, может, мамашу приведу». Дом в еицко свернула, Ивану в корман. Эта девушка их напоила-накормила, спать повалила. «Што тебе ле одной жыть, пойдем, я приведу три невесты, хоть сразу жонитесь! Срежайся, пойдем с нами».

До медного дома дошли. «Не пора спать — пора ставать. Времё далеко».

Вот Марья-царица и говорит: «Пойдем с нами. Теперь выхода нету!» Эта девушка думала-подумала. Дом в еицко свернула. Иван бежит впереди, не стенули цепь. Иван говорит: «Маменька спустилась из медного дыку». Тот говорит: «Моя». Другой говорит: «Моя!» Потом и третья невеста спустилась. На том вам спасибо.

Иван на поцепи-то спустился, одва не розбилось.

Остался.

Латат нагавей-птица яблоки клевать, ты ляг в борзонку. Нагавей-птица, снеси с Вехоровой горы и отдай из-под правого махалышка костылок. Выскоцит Ермошка, коротенька ношка, золотой колпацок, при ём двенацать молотцов. «И скажы, што

тебе надо!» Пришли домой, задумал Федор жонище. Жта нать зделать стеклянной мос, оценъ грязно. Пошел Иван-царевѣц.

Штобы сидели прицы райски, пели песни царьски. Ну вот, и пошли венцатьсе, только мос брякот. Федор задумал жонище, еста третья невеста ладит с нима жыт. Определяище к има, когда ухабы-ти загладили большы.

ЗАПИСИ 1961 ГОДА

7. «Сказка про Незнаюшка, как он у морского чуда жил»

Не в котором царстве, не в котором государстве, жил-был купец. Уехал за море торговать, а в это время хозяйка осталась беременна. А он не знал, что она беременна осталась. Вот обратно вертаются, и их вдруг остановился пароход: и глубоко, и не едут. Вот он приказ дает, что вот мол, смотрите, на мель ли зашли. «Ничего, — говорят, — нет!» А потом этот там хозяин воды да и говорит: «А вот ничего мне не нать, мне хозяина нать, никакие подарки не нать». Пришлось хозяина заколотить в крепкой ящик и спустить. Он гыт: «Мне и ты не нать, а только отсули, что в доме не знаешь!» «А что, — говорит, — я дома не знаю, много ле время прошло? Ну пускай тебе, — гыт, — что я дома не знаю». «Ну, ладно, можете ехать». Его вытянули из воды, на веревке был опущен в ящику, судно пошло боле, приехали. Он там много времени ходил, жена-то родила сына, а он про это и не знал. Вот его и задело: «Вот, — гыт, — я кого отсулил, служить». А сам не сказывает, а жене-то сказал, вот так и так. А сам печалится, отсулил, так придется отдавать. А парень растет — куда! Не по дням, а по часам, и в школе хорошо учился. А все чего-то папаша посмотрит на него и сам в слезы. Он стал допытываться, этот паренек: «Ты что, папа, как на меня, — грит, — сглянешь, так схмуришься? Очень, — грит, — настроение плохое у тебя. Чего, — грит, — неладно?» Одни раз с матерью разговор выслушал, и потому узнал. «Ну, — грит, — папаша, ты меня отсулил, так мне молоды года отслужить. Давай, — грит, — собирай, и я пойду к морю». Собрали его.

Пошел он, а тот его встретил с лесом ровно идет. Повстречался, стал маленьким и говорит: «Садись на меня». И увез его в свое государство. Стал он купцом. Стал торговать, ему столько доходу пошло, не сколько берут, сколько на этого молодого парня смотрят, и еще больше берут. Вот он жил, жил, потом он ему стал все это доверять, уж он тут как хозяином. А везде велел ходить, а в один склад не велел ходить. Ключи были все даны. «В это, — говорит, — не ходи, не приказываю!»

А у его тут, этого морского чуда, было (морским чудом называлось, морской купец был), был брат закован с конем, со всем, чего-то не поладили, дык. Вот он уехал куда-то далёко, он и задумался. «А что же, — говорит, — он мне и не велел туда-то ходить. Дай-ко!» Подошел, а там человек в цепях и конь в цепях. «Ну, — говорит, — я тебя, Иван, купецкой сын, — грит, — давно, — говорит, — ждал, и наконец дождался, — грит, — вот, освободи, — грит, — меня, возьми, — грит, — перекрести, — грит, — три раза, вот и всё. Собирайся, я тебе, — грит, — коня дам, а я, — грит, — тебя конь мой унесет. Возьми, — грит, — три ковриги хлеба, он тебя унесет. Там тебе, — грит, — встретится гора. На эту гору, — грит, — он тебя, свяжись, ты держись, так он на гору тебя затащит». Научил его. Вот он три буханки хлеба взял и поехал. А тот на воздух упал. «Так мне больше, меня, — грит, — больше не поймать, и ты, — грит, — уедешь». Вот он поехал, конь стал подпинаться, стал тощей, плохо кормил дак. Он буханку скормил, потом опять подъехал, стал слабовато подпинаться, он и втору скормил. И последнюю буханку, у него была, ту скормил. Сам пояс связал, как велел. А с первого ускуку слетел, выпал из су<нрзб>-то, он его на поводу затащил в гору-то.

А этот царь гнал за им, а на эту гору не мог, его упустил, стал. Вот этот Иван, купецкой сын (Иван, купецкой сын был), Иваном завали, а только он имя свое не сказал, чтобы он не мог его искать, не велел. «Ты, — грит, — свое имя не указывай, а то он тебя быстро найдет». Ну вот, он приехал в другое государство, не к отцу уж в то государство, а просто в друго. Тогда ведь небольшие, район так и государство. Поехал там по саду где-то, как его по царьску (то ле помещик ле кто там был, царь назвал) и выворачал, конь богатирской, дак тяжелой, все дорожки выломал, в их засыпаны, посажены были, дак. А там разгорячился хозяин-то и сторожовых-то, которы сторожат-то, почему не охранили, посадил в тюрьму. Ну вот, коня спустил, и пошел в город. А царь-то, незаконной, ходит-то, его поймали. Имя не сказывает, не знаю и все. Его в тюрьму тожо с теми вместе. Ну вот разговорились: «Вот так и так, за что сидите?» Много посадил. «Вот да что, — грит, — какой-то проезжал, — грит, — а мы не могли, — грит, — задержать, — дак нас и посадили». «Дак это я!» «О, — говорят, — бывать тебе там, на таком коне». А он взял, стену-то выломал, вышел, а там виселицы делают. Он пришел, спрашивает: «Это для кого?» — грит. «Вот для такого, — говорят». «А это для кого?» «А это для Незнаюшко, какого-то имя». Он говорит: «Это слабовато», взял да выломал все.

Вот дочка заступилась за людей-то. Грит: «Ты, папаша, много губил, много людей хочешь погубить ни за что. Все, — грит, — направлено. Выпусти людей», — грит. Это отца уговариват. Тот посмотрел. На самом деле ущерба нет, давай выпустил.

«А этого в тюрьму, в работу!» Кур пасти заставил, кормить, кого там, Незнаюшку-то работником. А дочь-то и стала к нему похаживать, видит, что это образование есть и какой ле не нищей, а имени не сказывают. Она и за его замуж задумала. У его был собран пир, бал, жонихи наехали. Две дочери за богатых вышли, а она за этого пошла, ну жонихи обиделись. «Ишь за какого бродягу пошла, а за нас не пошла». Грозят войной. Вот беда-то! Старик ворщит: «Из-за тебя все, дочи!» Зятя на войну собираются, оборонять. Жена-то говорит ему: «Ты бы тоже пошел бы, хошь там что ле». «Ну, управятся без меня. Дай корзину, я за грибам пойду». Вот пошел. Корзину на сук повесил и засвистел. Конь прибежал. Сел, отвагу сделал, бой сделал.

А черт узнал, что в таком-то государстве меч есть. Меч был ему подарен. Ну что же! Он на царских дочерей послал трех-голового змея. И змею было приказано, если какой пойдет, защищать, то живком поймать, не губить. На старшу одноглавого, а на среднюю двухглавого, а на младшу трехглавого змея, три головы. Ну объявил там, что вот так и так, а то все разорю. Вот и объявили, нужно на съедение змею. Царь запечалился. Стали отправлять. Все тут плачут да спровожают да. А он пошел: «Ты, — гыт, — чего ле помог?» «А без меня справятся, тебя поведут, так никто не пожалеет». И пошел, корзину взял, грибов принести. Коня засвистал, сел, поехал. А те за угором, где ле там, есть избушка, свезли к морю, а сами не смеют тут и показаться. Он коня поставил, копье бросил, зашел к ей. «Здравствуйте!» Она и не может узнать. «Почто, — грит, — ты, доброй молодец, сюда приехал, я, — грит, — ведь свезена на съедение змею». «Так я ведь тебя оборонить приехал». Ну вот, потом выходит змей. «Ну, долго, — гыт, — голодал, вот теперь сыт буду». Он побежал стречь. Он стал поперек дороги. «Не дам дороги!» «Дай дороги! Уйди, мне табя не нать!» «А кто нать?» «Иван, купецкой сын!» «А я, — грит, — сам и есть». Вышел на гору, и она на гору, его здесь ничего не могла сделать, так на гору. А он ей поставил копье, она напоролась. Она тогда вышла, царевна-то, и говорит: «Как тебя, доброй молодец, — грит, — зовут? Пойдит, — грит, — к нашему батюшку, вас чем-ле, — грит, — наградит!» «А я, — грит, — знаю хорошо вашего батюшку». Так и сказал. А поехал да возьмет у того, у старшого-то зятя, он взял да ухо и обрезал. Они его не знают. А те пришли домой туда, грит: «Со змеем подралися». Соврали тестю-то. А на другой день опять втору, средню опять вести. Опять так собирают. А он опять отправляется. Пошел опять, корзину повесил, опять поехал. А она опять дожидаются. Он приехал, опять поставил коня, сам зашел с ей беседует: «Как ты заехал, ведь я змею не съедение?» «Я оборонять тебя приехал». Ну вот. Змея вышла двухглавая. Он побежал опять стречу. «Стой, — говорит, — не дам дороги». «Дай, — го-

ворит, — дорогу, ты мне не равен, ты мне не нужен». «А кто тебе нужен?» «А мне Иван, купецкой сын, нужен». «А я самой и есть». Змея в гору, а он копые поставил. Она наскочила, он ушитился, она напоролась. Откинул в сторону. Головы отсек, языки вынул, в карман склал. Поехал и у среднего зятя волоса отхватил с кожей. Ну те поехали, хвастают. А третьей день никто провожать не пошел, матери плакать стала, отец разгорячился, царь: «Ведите и ей!» И ее велел вести. Вот их с матерью и свезли туда. Поглядеть послали кого ле придет, нет тот ле.

А он корзину на руку, да в лес, песни поет. Говорят: «Дурак, так дурак и есть, нашла такого бродягу, ишь-от, жону повели, а он песни поет». А он пошел, да опять так же, таким же образом отправился туда. Приехал, они не знают. И зашел к ним. «Куда ты, доброй молодец, приехал, мы змею на съедение привезены. Нас-то съест, да и тебя-то съест». «Как это так съест, я вас оборонить приехал». А жену-то заставил в головы поискать, а сам заспал. Змея вышла, а он спит. «Вот хорошо, голодна была, а теперь три человечьи жизни, а четверта лошадина». Вот уж близко идет, а она не может разбудить. А он ей сказал: «Если не заможешь разбудить, — гыт, — то ткни ножом». А она заплакала: ткнуть жалко. А слезы-то пали у ёго на лице-то, он и прохватился. Взял копые, загородил дорогу. «Дай, — грит, — дорогу, ты мне не равен». «А кто, — грит, — тебе равен?» «А мне, — грит, — Иван, купецкой сын, равен». «Я, — грит, — самый и есть». Вот она давай хвостать его. У его в одной руке копые, в другой сабля. Он опять на гору забежал, да на копые опрокинул ее. Ну у ее три головы, он не мог, змолился коню: «Помогай! — грит, — конь!» Конь стал помогать, стал бить ее. Убил.

Тещу и жену повез, в ограду заехал, поставил коня, за порог пал да и заспал богатырски сном. Конь никого не пускал.

Он когда проспался, вынял эти все языки, в платок склал и сказал: «Снеси, — гыт, — отцу-то. Как защищались твои зятевья». Она сказала: «Вот ты моего мужа ничем считал, а кто тебя защитил». Все рассказала. Он тех казнил, а с им стал жить.

8. <<Сказка про дедушкин колпак>>

Много лет прошло с тех пор, как на Руси стояло большое селенье. В том селеньи жил старик. У того старика было два сына. Первой сын Данил, второй Влас. Влас ни за какое дело не примет, а за какое примётся, все испортит. Либо спит, либо песни распекает, лежит на полотах. Однажды Данила пошел в лес, отцу помогать, а он остался дома на полотах. Поет песни! А тем, что в печку поставят, щи ле, что ле, встанет, все съест. Данил придет с работы, в печке ничего нету, все скушал. Ну ладно!

Однажды старик поехал в соседний город с мукой в базарные дни торговать. Он торговал очень прибыльно там. А там разбойники его подсмотрели, что он много денег получил. Когда же этот старик поедет куда, они его подслеживать стали. Следили. Потом он склался и отправился по дороге. Они как раз наперед убежали, там засаду сделали, сидят, ждут его. Он едет. Вышли они из стороны. «Стой!» Поймали лошадь. «Ну что, старик, где был?» «На ярманке». «Что продавал?» «А ничего такого, — говорит, — не было!» «Как не было, у тебя мука много, — говорят, — была, да хлеба ты продал. Деньги есть?» «Нет!» «Отдай!» — говорят. Вот они его избили, лошадь спустили, его бросили в сани. Лошадь пришла, Данило вышел на улицу, а лошадь стоит, потом заглянул в сани, а старик лежит, кричит. Он забежал в избу. «Влас, — говорит, — помоги занести отца в избу, чего-то заболел ле что ле, — грит, — кричит». Потом посмотрели, а он весь разбит. Побежали за лекаркой, сходил. Лекарка пришла, какого-то там лекарства дала, тогда может совсем не фельдшер был, а так женщина или кто ле там. «Ну что, — он грит, — вот что, дети, теперь мне последний конец, больше мне уже не направиться. Подходите обои ко мне, я вам все расскажу, что есть тут. Вот что, — грит, — Данило, ты очень хорошей работник был, помогал, оставляю тебе все: скотину, дом, поляны, — все это тебе, есть, — грит, — амбар, в амбаре там, — грит, — у матери есть сундук, в сундуке есть, — грит, — материн кафтан, а в кафтане тысяча рублей. Это возьми, — грит, — все твоё», — грит. Одарил. А тот Влас лежит на полатах. «А мне-то чего?» «А вот тебе, ты ничего не помогал мне, не работал, только, — грит, — на полатах валяешься. Тебе дедушкин колпак лежит, — грит, — на полицы. Тебя благословляю. Если ты будешь колпака слушать, то, может, ничего, не пропадешь». Ну и ладно. Так вот. Отец скончался, Данило захоронил его, хорошие поминки сделал. Там все и живет. Все рассмотрел, где чего благословлял, все прибрал, стал коров наблюдать, кормить. Однажды пошел он в лес. Пришел с работы этот Данило, а Влас лежит на полатах. «Ну что, — говорит, — делаешь, хошь бы дров ты мне наносил или что ли, а то ничего не помогаешь, — говорит, — теперь, — говорит, — отец ведь помирал, — говорит, — ведь все мне оставил: избу, поля, то, — говорит, — и скотину, и все, и дом. А тебе, — говорит, — ничего, только, — грит, — дедушкин колпак. Можешь, — грит, — сходить с полатей и уходить, куда хочешь». «Ну ладно». Он ничего не отговаривает. Потом вот этому Данилу стало досадно, он стащил его с полатей и двери открыл там, выкинул его, и двери на крючок заложил. И стоит этот Влас. Опомнился. «Что же мене, — говорит, — Данило так сделал. Да ведь, — говорит, — отец-от помирал, да ему все оставил, а мне-то он ничего не дал». Он постоял час и отправился. Говорит: «Все вот отец господин, — гово-

рит, — Данила. А мне, — говорит, — уж, наверно, не жить тут». Пошел вдоль села по дороге. Шел, шел, село кончилось и пошел по дороге дальше и сбился с дороги с этой и пошел стороной. А увидел там высоко дерево, а на дереве сидит соловей и громко песни поет, словно за душу хватает. Он сел под это дерево, слушал, слушал соловья и тут и заспал. Так же первую ночь и провел под деревом. Ну подумай. Утром встал, на другой день, пошел. Пошел, увидел там сдали город. «Что же, — говорит, — город какой там, — говорит. — А, — говорит, — в городе-то ведь нельзя без шапки-то ходить-то. Потом, так это мне отец-от дедушкин колпак дал, есть-нет он у меня». Вынял колпак, наложил, а колпак заговорил человеческим голосом. «Да, — говорит, — Влас, не хорошо отец все-то сделал. Данилу все отдал, а тебе ничего, ну ладно, — грит, — я буду тебе рассказывать, только не забывай. Ты вот что, — говорит, — пойдешь сейчас в город, а тут как раз будет избушка стоять. В эту избушку зайди, а тут сидит, — грит, — старая старуха, горюет о своих сыновьях. Ты тут и ночевать, — говорит. — А пока, — говорит, — положи колпак за пазуху».

Идет, избушка стоит, зашел в избушку ту, сидит старуха. А на середине стоит старая скамейка, а на скамейке лежит старая кошка. Он на другое дело старуху хлесть. Старуха пала. Прочухарилась, да побежала заявлять-то. Побежала старуха, милиция ей принял. «Вот, — грит, — недавно пришел какой-то прохожий ко мне в избушку зашел, — грит, — ничего, — грит, — сразу на меня, меня, — грит, — хлесть, — я пала, пролежалась, — говорит, — и бежу!» Тот говорит: «Пожалуй, что заберите его, — говорит, — куда ле». Вот ведут, а тот говорит: «Колпак ведь надеть надо». Колпак надел, колпак и засказывает: «Напрасно ты, — грит, — Влас, зачем старуху-то избил, — грит, — сейчас приведут в милицию ты, заберут. Ты слушай, скажи, что я пришел сюда, знаю, у вашего царя горе. Они скажут: „Како горе?“ — Он жонился на прекрасной невесте, брал хорошу. У них не было детей, говори, три года жил, на четвертой год родилась дочь. Они подростили эту дочь, она была очень хороша. И вот пошла она с няньками гулять и поганый Издолищо ее унес. Поймал, говори, и унес. Няньки плакали, плакали. Так ты скажи, что можешь горю помочи, эту дочь достать. Теперь, — грит, — оберни меня, сейчас придут». Ну вот он положил, опять лежит. Пришли. «Ну что, — грит, — молодец, откуда ты такой». «А я издалека». «А откуда?» «Да есть на Руси большое селенье, в том селеньи жил старик, у того старика было два сына. Один Данило, а второй — я. Отец, — грит, — стал помирать, так все там Данилу оставил, а мне так ничего не дал, один дедушкин колпак». «А зачем ты старуху набил?» «Да не знаю, мне чтобы полати достались, наверно, для этого, поспать». «Так и так можно поспать. Ну вот что: ты набил старуху, пойдем, — говорит, — сейчас в город,

посадим тебя в тюрьму». «А я, — говорит, — вот что, поведите меня в город, я вашему государству помочи могу». «А что такое?» — грит. «А вот что: царь ваш женился на прекрасной невесты, жили года три, у них не было детей, на четвертом году у них родилась дочь, они подросли, она пошла, — грит, — гулять с няньками, и поганое Издолище ее унес, я ее могу достать, доложите царю», — говорит. Ну ладно, его привели, посадили. Вот они там доложили: «Какой-то человек есть, помочи ладит, а все это правильно говорил». Он сидит. Чичас колпак наложил. «Ну, — говорит, — Влас, смотри не ошибись сейчас. Приведут тебя к царю, сейчас придут слуги, ты пади на коленцы, поклонись. Он тебя будет спрашивать, я помочи лажу твоему горю. Он спросит, да вот (росказал все) и увез у тебя поганое Издолище дочь, я могу достать. Только мне дай хорошего коня, да латы, — говорит, — с крыльями, и шлем с водой, нож булатной. Чтобы ехать так побороть там поганое Издолище. А я знаю, где он там находится», — колпак ему все разъяснил. «Ну сейчас колпак положи, вот придут, так ты тогда, — грит, — расскажи все». Сидит. Потом слуги царски пришли, открыли. «Ну вот что, молодец, снимай свое платье, — грит, — вот одевай наше платье, пойдем, — грит, — к царю, какое ты у царя горе можешь знать?» Ну вот его и привели к царю. Он чичас пришел, зашел, пал на коленцы, поклонился. «Ну что, молодец, скажешь? Окуда ты такой?» «Я, — говорит, — издалека. Есть там, — рассказал, — на Руси большое селенье, в том селении жил старик, у старика было два сына». Это все рассказал. «Ну дак ты, какое горе ты ладил мне сделать, что у меня горе есть?» «Да, есть у тебя горе большое, — говорит. — Вот ты, — говорит, — женился, у вас три года не было детей, на четвертом году, — говорит, — у вас родилась дочь». «Так!» «И вот вы вырастили ей, она была годов 15». «Так!» «Она пошла гулять с нянькам. Ей, — говорит, — прилетел поганое Издолище и схватил и унес». «Да, это правильно. Так как ты ей, — грит, — знать да достать-то?» «Дай мне коня хорошего, латы с крыльями, шлем с водой, — говорит, — я поеду, — говорит». «Ладно, завтра, — грит, — все будет готово». Вот так. Вот он поночевал, на другой день сейчас все получил, распростился с царем, царицею и поехал. Издолище искать. Едет там дорогой. Близко ле далеко, низко ле высоко, долго ле скоро ехал. Вдруг там слышит ревет мужчина. Так ревет дак. Ну что. Вот давай коня скорее поторапливать. Потом бежит мужчина ему навстречу, а три разбойника гонят его. Как раз они увидели его на лошади, всадника, и в сторону убежали. Вот он приехал к этому мужчине. Увидел его брат лежит. Ну. «Откуда ты такой молодец?» — спросил его. Не узнал его, он переделся во время царском-то. «А я, — говорит, — далёко, товариш», — говорит. «А из какой, — говорит, — ты деревни?» «Да есть, — говорит, — на Руси

большое селенье, в том селеньи жил старик, у старика было два сына, — говорит, — первой я, — говорит, — а второй Влас. Да Влас-то, чистая беда, ни за какое дело не примётся, что примется, то попортит». Ну ладно. Он слушат-то. «А куда, — говорит, — девался-то Влас?» «Да не знаю. Он ничем мне не помогал, — говорит, — ему отец ничего, — говорит, — не дал, ни коровы, ни дом, ни поляны, ничего, а дал только дедушкин колпак. Он, — grit, — лежит на полатах, либо поет, либо, — говорит, — чего-то рассказывает, да то, друго. Мне стало досадно, я взял колпак ему подал, да стащил с полатей. Не знаю, куда он и ушел больше». «А что ты ревешь-то?» «Да меня вот, я, как выгнал Власа, с тех пор у меня, — grit, — пошло все, — grit, — сперва изба сгорела, потом стали скот валиться, и все пошло завалилось, ничего, — grit, — иду дорогой, как раз напали на меня три разбойника, гонят», — говорит. Ну ладно. Он ему тыщу рублей вынял из кармана, дал. «На!» А сам не сказался, поехал дальше. Вот едет, низко ле высоко, близко ле далеко. Там чичас приезжает к озеру. Остановил лошадь, слез с лошади, спустил лошадь в чисто поле, сам сел к озеру-ту. Сел и вынял колпак. Колпак и стал говорить: «Вот что, — говорит, — Влас, сейчас ты к озеру-то приехал. В этом озере-то есть поганое Издолище, и, — говорит, — у его, — говорит, — выплывет семь лебедей. Это все царски дочки унесены, девок-то, дочерей. Он, — говорит, — выйдет на берег-то, а сорочки их под голову положит, они в лебедей обернуты, они будут плескаться и всяко играть. Он любитесь, смотрит, а потом, — говорит, — заспит. А ты, — говорит, — как-ле нибудь осторожно эти сорочки у его из-под головы возьми. Он заспит, так он захрапит, — говорит. — Он за тобою погонится, а ты, — говорит, — сейчас в латы. Взмахни крыльями, поднимешься в воздух. Он, — говорит, — ударится о землю и за тобой сзаци. Ты смотри изловчись, чтобы в лебедь не ударить, они мешать будут, они летать, — grit, — промежду вами будут, тобой да поганим Издолищем. Как изловчись, — говорит, — чтобы это убить поганое Издолище. Ну вот так. А сейчас, — говорит, — скройся, скоро он выйдет». Он сел, спрятался, сидит, глядит, вдруг слышит вдали конской топот раздаётся. Кто такой?! Ближе и ближе. Потом приехал всадник к озеру ту. Он спросил: «Кто такой, зачем ты приехал?» «А есть здесь лебеди, так лебедей лажу подстрелить да пух оттеребить, да одной девицы подарить». «Это лебеди, — говорит, — не твои, не тебе владеть има, уезжай, — говорит, — обратно, а то сейчас», — говорит. «Нет, — говорит, — не поеду». Вот он взял его это бездыханное тело бросил, его убил, а сам скорее опять сел, дожидат. Потом вдруг озеро сколыбалосе и вышел поганое Издолище, которой в озере-то владеет. И выплыло там шесть лебедей. Лебеди начали там плескаться. Он эти сорочки с собой под зголовье, лег на их и смотрит там, смотрел,

смотрел и вдруг заснул, захрапел. Влас дожидается. Сейчас подобрался тихонечко, подкрался, схватил сорочки из-под головы и на уход. Он погонился за им сзади, похватился. Он видит, что сейчас догонит, давай латами махать, с крыльями были латы, и стал подниматься в воздух. А этот стукнулся поганое Издолище в землю и превратился в птицу и за им сзади. Ну вот сейчас стал догонять он, это поганое Издолище. Выхватил ножище такой булатной, хотел его бросить. Он взял шлем с водой, бырызнул водой. Сейчас попала вода в этот его булат-от, и он разлетелся весь. Потом он замахнулся саблей и его срубил голову. Он сейчас пал на землю. Ну ладно. Вот он сел тоже, его вырубил всего в куски и бросил. Сейчас эти лебеди стали просить сорочки: «Отдай нам сорочки, молодец, нам ведь все время будет летать лебедем». «Нет, я вас не отдам вам сорочки, я привезу вас к отцам, и тогда вам отдам эти сорочки, тогда будете опять девицами, а теперь, — говорит, — полетайте за мной, я сейчас поеду». Ну вот сейчас коня поймал и сел на коня, поехал, лебеди сзади полетели. Ехал там, близко ли далеко, сейчас озеро стоит. «Надо лошадь покормить, да и лебедям де ле поесть», — говорит. Сейчас к озеру остановился. Вдруг слышит опять конской топот: «Кто такой, — говорит, — едет». Потом едет сын этот, поганого Издолица. «Ну, — говорит, — молодец ты, — говорит, — отца моего убил, так все-таки не мог укрыться от меня, тебе все-таки придется погибнуть здесь. Отдай, — говорит, — сорочки». «Нет, не отдам сорочки, — говорит, — не видать тебе сорочек как своих ушей!» Ну ладно, вот они тут схватились. Вот все, так сразу его погубил и опять на лошадь скорее и на уход, поехал. Ну а лебеди поднялись за ним сзади. Вот он ехал, близко ле далеко. Приехал в одно государство, там все доложил. Не доехал еще в государство-то, ворота все закрыты. Заявил там, чтобы доложили государю, что приехал молодец, привез сорочки девьи, вашей дочери. Сейчас там доложили царю. Царь приехал в кореты. «Вот что, — кричит, — ваше императорское величество, выбирайте свою сорочку и брось о землю и превратится твоя дочь в девицу, а сейчас они лебедями летают». Вот он выбрал. «Вот это, — говорит, — наша сорочка». Взял сорочку, бросил о землю, сейчас лебедь превратилась в девицу. Вот он сел. «Поедем давай, — говорит, — ко мне в государство». Там зовет. А лошадь он спустил в чисто поле. Поехал там погостил дня три что ли, вот стал отдавать за его замуж дочь. «Нет, — говорит, — я пока жониться не буду, надо всех развести лебедей. Тогда что ли будет?» «Сколько нать тебе золота?» «Ничего мне не надо!» Так распустился и поехал. Всех так вывозил в государства. Потом откуда поехал, к тому приехал к царю. Там доложил, царь сейчас встречат его, приехал во дворец, с царицей приехал, взял сорочку, бросил, та превратилась из лебеди в девицу. Поехал там опять к царю, гостил сколько време-

ни. Потом он стал за его замуж отдавать дочь. А дочери не нравится его имя Влас. Дала ему имя Арон, так они повенчались, стали жить и сейчас живут.

9. «Про охотников» (запись конспективная)

В 1909 году осенью, 3 октября на реке Суле станция Фоминска пошли два охотника Василей да Адриян на охоту на Верхнюю Пышегу. Оттуда выйти на Верхнюю Селезю и на тракт. На второй день ночевали они в избушке. Утром пошли, погода была хорошая, чистая. Собака облаяла белку, потом залаяла, как зверю, собака лает в землю, подошли, видят: медведь нос выставил. Отступили в ложбину. «Адрей, ты медведей лавливал?» — «А ты, Василей?» — «Я лавливал». — «Ты боишься?» — «Нет!» — «Давай, паря, Василей, медведя ловить, чистый клад. Давай зарядим тремя патронами». Василей посыпал в банку и подает, смотрит, Андрей складывает порох с земли, просыпал. «Ты чего, Андрей, испугался?» — «Ничего я не испугался, просыпал». Пошли, собака лает, место чистое, увидит их медведь, нужно пустое пространство пройти, эту сендуху перепрыгнуть. Василей перепрыгнул и пошел, а Андриан стоит. Василей подошел к берлогу, стрелять нужно где-то в дырку между сучьями ели. Наводит. Василий посмотрел, где Андрей, все там же. Стрелил Василий, заметил, что в берлогу попал. Андриан закинул чувячек на голову, оборони бы самого себя. Василий попробовал выбратья, но захлебнулся, не мог. Медведь смял Василия и кусает голову, плечи, но не больно, как играет, за<нрзб>, а не больно. Вот ружье-то лапой, да и отбросил, а сам сидит на Василии. Василей вынул нож из ножен и хочет нанести рану. Медведь его цоп за руку и нож выбросил. Топор у него еще есть, достал, вынул. Медведь и топор выбросил. «Давит, стал я чувствовать боль», — стал он мне сказывать. Долго ли, коротко ли, не стал чувствовать боли, прохватился, нет ни собаки, ни медведя, а Андриан все там. Я завопил: «Андриан», — хриплю так. На третьей раз завопил: «Андреан» — «А я тут, слава Богу, жив. Беда, ты весь чисто съеден, окороков-то нет, кость одна». — «Вот что ты сделал, теперь и ты не выйдешь отсюда, и я и ты погибнем». Солнце уж низко, а идти еще далеко. Василей ему говорит: «Тащи меня в берлогу, я тут помирать буду, а ты пойдешь домой, приедешь домой сегодня, а завтра с Клашей приедешь на моем Голубане за мной. Сядете один на коня, другой на сани, он, — григ, — вас привезет. Сейчас пойдешь к дороге, я расскажу».

Оттащил Андриан в берлогу, наготовил малость дров, чтобы тот отогревался. Стал Василей объяснять дорогу: «Теши тески

правее солнца метра на два. Тебе стретится болото, там по болоту пройдешь, а потом опять теши тески правее солнца, а из лесу пойдешь — прямо на солнце, а дальше зивно (много) левее солнца». Андриан ушел. Солнце стало закатываться, стало свежо, спустился в берлогу, сразу заспал, проснулся, видно звезды, Кичко (собака) тоже пришел. Слышит шорох, Кичко выскочил и угнал медведя. Заспал, проснулся, и собака вернулась. Утром приехали за ним. Василей излечился.

КОММЕНТАРИИ

1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 3, № 153.

Сказка первая. <<Невеста из бани>>. Сказка записана от Антона Артемьевича Емельянова, 66 лет, из д. Смоленец Лешуконского р-на Архангельской обл. З. И. Власовой 18 июля 1958 г. От этого же исполнителя записаны еще три сказки. См. наст. публикацию. СУС 813 А = АА *813А «Проклятая дочь».

Сказочный текст представляет собой повествование, возникшее на пересечении мифологической и сказочной традиции, в его основе лежат традиционные мифологические представления о проклятых и духах бани, о святочных гаданиях. Однако полностью отнести данный текст к быличке нельзя, поскольку он содержит признаки, типичные для сказки: развернутое повествование, многоэпизодность, разработанность диалогов, большое число второстепенных персонажей. В большинстве вариантов этого сюжета главные герои: девушка, ее жених и ее родственники (нечистая сила). В публикуемом тексте есть еще и крестный жениха, «человек с умышленностью», который помогает герою справиться с заданиями и спасти девушку.

Сюжет учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: Рыбников, III, с. 194—196 (=Карельск., 41); Ефименко, 9; Ончуков, (70); Цейтлин, 17 (=Карельск, 43); Этногр. обозр., 1916. № 3—4. С. 59; Соколовы, 28, (124); Карнаухова, (80), 137; Коргуев, 60; Балашов, 11, 16, 18, (141).

От других региональных вариантов его отличает эпизод, в котором главного героя отпеваает заживо поп. Не во всех текстах присутствует мотив сватовства. Традиционная сюжетная схема осложнена отдельными мотивами из других сюжетов: девушка, встающая из гроба (СУС 307), и сюжетов о персонаже, помогающем герою справиться с заданиями.

2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 3, № 154.

Сказка вторая «Потороча — одна нога короче». Сказка записана от Антона Артемьевича Емельянова, 66 лет, из д. Смоленец Лешуконского р-на Архангельской обл. З. И. Власовой 18 июля 1958 г. СУС 1525 А «Ловкий вор» + 1737 «Поп в мешке».

Сюжет «Ловкий вор» учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре, широко распространен и на Севере. Региональные варианты: Ончуков, 90, 191, 296; Соколовы, 25, 86 (=Избр.

мастера, 25); Карнаухова, 88, 167; Коргуев, 62; Господарев, (20), 56; Чистов, с. 32—35; Никифоров, 57; Ск. Поморья, 53; «Опись сказочного собрания А. И. Никифорова», 128, 138 (Заон.); 45, 61, 68 (Пин.); 211 (Мез.).

Сюжет «Поп в мешке» также известен в русском, украинском и белорусском фольклоре, встречается, как правило, в контаминации с другими сюжетами, региональные варианты: Ончуков, 59; Чистов, с. 32—35; Карнаухова, 167; «Опись сказочного собрания А. И. Никифорова», 61 (Пин.).

Сказка принадлежит к циклу сюжетов о ловком воре. Сюжет строится из нескольких отдельных эпизодов, каждый из которых может быть составляющим в других сюжетах о ловких ворах или является самостоятельным текстом. В севернорусской традиции сюжет представлен в разнообразных версиях. Чаще всего первый элемент сюжета — это эпизод о краже коня (Никифоров, 57; Карнаухова, 88; Ончуков, 90; Ск. Заонежья, 62; Ск. Пудожского края, 13 и др.), представленный в большинстве текстов, как правило, одинаково: ловкий вор спаивает сторожей и уводит коня. Далее следуют другие задания барина (купца, царя): украсть вола с сохи (Ск. Заонежья, 62; Коргуев, 62), постель из-под барина (Никифоров, 57; Карнаухова, 88, 167; Ончуков, 90, 191, 296; Ск. Пудожского края, 13 и др.), деньги из-под кровати хозяина (Коргуев, 62; Ончуков, 90; Ск. Заонежья, 62), в карельских вариантах сюжета есть эпизод с кражей у барыни кольца (Коргуев, 62; Ск. Заонежья, 62), самой барыни (царицы, купчихи) (Ончуков, 90; Ск. Заонежья, 62; Ск. Пудожского края, 13 и др.). Заключительный эпизод сказок на этот сюжет — либо неудавшаяся попытка казнить (утопить) вора, который заманивает на свое место другого (Коргуев, 62; Ск. Заонежья, 62; Ск. Пудожско-го края, 13 и др.), либо обман архиерея — сюжет «Поп в мешке» (СУС, 1737), после этого обычно ловкого вора награждают (Ончуков, 191; Карнаухова, 88, 167; Никифоров, 57 и др.).

В сказках, записанных на Пинеге А. И. Никифоровым (Никифоров, 57) и И. В. Карнауховой (Карнаухова, 88, 167), сюжет о ловком воре выступает в контаминации с сюжетом «Свечи на спинах раков» (СУС, 1740).

Название публикуемой сказки «Потороча — одна нога короче», вероятно, заимствовано из шуточной побасенки про Поторочу, в сборнике Н. Е. Ончукова есть докучная сказка про «Торочу» (Ончуков, 157). Это имя встречается и в сказках на другие сюжеты, например, в сборнике «Русские сказки Забайкалья», а также в сказке, записанной в Пермском крае. В смоленских и других южнорусских говорах одно из значений слова «потороча» — «озорник, выскочка, кто везде суется».²³ У сказок на этот сюжет известны и другие рифмованные названия «Про Нестера, у которого было ребят шестеро» (Коргуев, 62). Однако наиболее традиционно двусловное название типа «Кирка-вор» (Карнаухова, 88), «Вор Мотрошилка» (Ончуков, 191) от «мотрошить» — заниматься чем-либо ради добывания средств к жизни; перебиваться; воровать.²⁴

²³ Словарь русских народных говоров / Главн. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1996. Вып. 30.

²⁴ Там же. Л., 1982. Вып. 18.

Традиционный для большинства сказок на этот сюжет мотив обучения воровскому делу в публикуемом варианте только обозначен, но развития не имеет: «Пошел Потороча к большой дороге, повесил шапку на сук». В других текстах герой пытается украсть эту шапку, чтобы научиться воровать. Эпизод кражи коня представлен полно и оригинально. Герой не только купил «троеногу» лошадь, чтобы отвлечь сторожей, но и запасся мясом для собак и пшеном для петухов. Эпизод кражи барыни также необычен, он содержит отдельные мотивы из эпизодов о краже быка: герой кладет у дроги сначала один ботинок, а затем другой, пока их поднимают, ему удается увести быка, в данном тексте — барыню (Ончуков, 296; Карнаухова, 167).

3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 3, № 155.

Сказка третья. «Девье царство». Сказка записана от Антона Артемьевича Емельянова, 66 лет, из д. Смоленец Лешуконского р-на Архангельской обл. З. И. Власовой 18 июля 1958 г. СУС 551 «Молодильные яблоки».

Сюжет учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: Жив. ст., 1897, 1, с. 113—120, 120—123 (=Карельск., 6, 7 =Сказки XIX в., 83, 85); Ончуков, 3, 8, 265; Соколовы, 139 (=Избр. мастера, 8); Озаровская (36); Коргуев, 10; Господарев, 9; Чистов, с. 190—196; Балашов, 27, 43; Ск. Поморья, 35; Опись сказочного собрания А. И. Никифорова, 43, 108 (Мез.).

В ходе экспедиции 1961 г. от Василия Марковича Бобрецова из д. Усть-Низема Сульского с/с Лешуконского р-на В. В. Митрофановой и С. Н. Азбелевым был записан очень краткий вариант сюжета. См. коммент. к сказке 9.

Сюжет известен в нескольких вариантах и различных контаминациях (Балашов, 27; Господарев, 9; Ск. Поморья, 35).

В публикуемом тексте братья едут не для того, чтобы найти живую воду, а за «хитростями-мудростями», так же как и в: Ончуков, 3; Соколовы, 139; живая вода и молодильные яблоки заменены на плетку-живульку, которой герой оживляет своих братьев, а потом и войско отца. В варианте Ончуков, 3 плеткой-живулькой герой оживляет мать, в Ск. Поморья, 35 — старуху-помощницу и излечивает свои ноги. В варианте Коргуева, 10 введен мотив полета на петухе за живой водой и молодильными яблоками; у Соколовых, 139 — эпизод с Ногайптицей. Герой попадает в девье царство с помощью лебедей. Возможно, на сказку оказала влияние лубочная традиция: название «девье царство» встречается также в сказках о Еруслане Лазаревиче.

Как и в публикуемом варианте, мотив соперничества и предательства братьев развит не во всех вариантах сюжета (Ончуков, 3; Балашов, 27). Различны препятствия на пути к царству богатырши: в публикуемом варианте — старик на перевозе, у Балашова, 43 — старик-великан, у Коргуева, 10 и Соколовых, 139 — былинное испытание трех дорог. Устойчивым элементом всех севернорусских вариантов сюжета является женитьба героя на богатырь-девице.

4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 3, № 156.

Сказка четвертая. «Мельник (Без рук девушка)». Сказка записана от Антона Артемьевича Емельянова, 66 лет, из д. Смоленец

Лешуконского р-на Архангельской обл. З. И. Власовой 18 июля 1958 г. Исполнитель слышал эту сказку ребенком на Пинеге. СУС 706 «Безручка»

Сюжет учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: Цейтлин, 12 (=Карельск., 17); Озаровская, 37 (=Кривополенова, 5), Чистов с. 39—52; Никифоров, 39; Балашов, 47, 134; Ск. Поморья, 63; Сими́на, 9; Опись сказочного собрания А. И. Никифорова, 83,180 (Заон.), 60 (Пин.).

Текст представляет собой нетрадиционную версию сюжета. Зачином служит отдельный элемент сюжета 313 А, В, С «Чудесное бегство»: обещание мельника отдать то, «что стоит сейчас за мельницей» (отдать то, что дома не знает), но дальнейшего развития сюжет не имеет. В отличие от большинства сказок о Безручке здесь сам отец соглашается отрубить дочери руки. В публикуемом варианте также много христианских мотивов, особо подчеркивается безгрешность девушки, чтобы спастись от водяного героя, очертилась мелом и обрызгалась святой водой. Мотив очерчивания магического круга предметом (косой, ножом, мелом, углем) как средство защиты от нечистой силы достаточно редко встречается в сказках; здесь, возможно, имеет место влияние не только обрядов, но и литературных источников («Вия» Н. В. Гоголя).

Дальнейшее развитие сюжета вполне традиционно для севернорусской сказочной традиции.

5. РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

Сказка <«Муж ищет похищенную жену»>. Сказка записана от неустановленного исполнителя в д. Малые Нисогоры Мезенского р-на Архангельской обл. А. П. Евгеньевой. Сказки в записях А. П. Евгеньевой имеют фрагментарный характер, однако они включены в данную публикацию прежде всего потому, что фонозаписей и полевых записей этих же сказок в материалах экспедиций обнаружено не было.

Сказка без паспорта, записанная в д. Малые Нисогоры, — комбинация нескольких широко распространенных в регионе сказочных типов, наиболее полно из которых развит сюжет «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (СУС 400₁=AA400A=K 400A, B, C, D).

Сюжет учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: Рыбников, III, с. 196—197 (=Карельск., 44); Карнаухова, (39), 138; Коргуев, 7, 8, 24; Господарев, 3; Никифоров, 86, 108; Чистов, с. 62—70, 133—145 (=Ск. Поморья, 34); Балашов, 24, (45), 6.

Сказка интересна тем, что в ней причудливо сочетаются традиционные сказочные формулы («Ни в котором царстве, ни в котором государстве, именно в том, в котором мы живем, начинаем рассказ, люди добрые, для вас»; «Старая карга, не напоила, не накормила, стала вестей спрашивать»; «Избушка повернулась к лесу глазами, к нему дверями»; «Сказка скоро говорится, дело мешкотно творится») и др.) с реалиями, вошедшими в язык в послевоенное время («Как в яму спукался, там ход очень хороший, как в Москве метро») и др.).

6. РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

Сказка <«Про Вехорево царство»>. Сказка записана от Аграфены Васильевны Клишовой (Клешовой, Клишевой), 77 лет,²⁵ из д. Смоленец Лешуконского р-на Архангельской обл. А. П. Евгеньевой. От этой же исполнительницы были записаны былины «Добрыня Никитич и Змей»,²⁶ «Добрыня и Алеша»,²⁷ историческая песня о Платове-козаке, баллада «Жена не узнает в солдате своего мужа», песни свадебные, лирические, круговые, солдатская песня, исполненная вместе с мужем Николаем Михайловичем Клешовым.²⁸

Запись также имеет фрагментарный характер.

СУС 301 А, В «Три подземных царства». Сюжет учтен в СУС, встречается в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: Ефименко, (10), 11; Ончуков, 34, 86, 178, 206; Цейтлин, (10); Озаровская, (26); Карнаухова, 14, 41, 89, 124; Ник., 15 (=Никифоров, 36); Коргуев, (10), Господарев, 18; Чистов, с. 190—196; Никифоров, (77), 79, 103, 109, 131; Сев. Двина, 4.

7. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 326.

«Сказка про Незнаюшка, как он у морского чуда жил». Записана от Дмитрия Максимовича Антонова, 56 лет, из д. Усть-Низема Сульского с/с Лешуконского р-на В. В. Митрофановой и С. Н. Азбелевым 20 июля 1961 г.

В списке магнитофонных записей, сделанных во время экспедиции, сказка называется «Про Ивана-купецка сына». См.: «Список м/ф записей (сводный)» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 2).

Дмитрий Максимович — сын сказителя Максима Григорьевича Антонова, с которым в 1928 г. работала А. М. Астахова. «Он помнит содержание многих былин, которые пел его отец, но петь не может. Содержание былин передает по-своему, без традиционных формул, это просто пересказ своими словами. Знает он также сказки, песни. Но с наибольшим воодушевлением он рассказывает охотничьи были и небылицы», — писала о нем В. В. Митрофанова.²⁹ От этого же исполнителя в ходе экспедиции 1961 г. были записаны прозаические пересказы былинных сюжетов «Исцеление Ильи Муромца»,³⁰ «Три поездки Ильи Муромца»,³¹ «Илья Муромец и Калин царь»,³² «Илья Муромец и Сокольник»,³³ прозаический пересказ сюжета о Василии Буслаевиче.³⁴

²⁵ По сведениям, которые приводит В. В. Митрофанова, в 1958 г., исполнительнице было 80 лет. См.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 2, № 97.

²⁶ Былины Мезени. Т. 3. № 15—17.

²⁷ Там же. № 42—44.

²⁸ Подробнее об исполнительнице см.: Былины Мезени. Т. 5. С. 221.

²⁹ РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 8. Л. 1.

³⁰ Былины Мезени. Т. 5. № 263.

³¹ Там же. № 314.

³² Там же. № 309.

³³ Там же. № 296.

³⁴ Там же. Т. 4. № 191. Подробнее об исполнителе см.: Былины Мезени. Т. 5. С. 210.

Краткий пересказ сюжета этой сказки был записан от Василия Марковича Бобрецова, из той же деревни. См. коммент. к сказке про дедушкин колпак.

СУС 300₁=АА 300А «Победитель змея» + 313 А, В, С «Чудесное бегство» + 532 «Незнайка».

Сказка представляет собой контаминацию нескольких сказочных сюжетов. Все сюжеты учтены в СУС, встречаются в русском, белорусском и украинском фольклоре. Региональные варианты: СУС 300₁=АА 300А «Победитель змея»: Колосов, 3, с. 75—83, 2, с. 190—196 (=Карельск., 8), 7, с. 205—207; Ончуков, 4, 8, (75); Карнаухова, 11, 47, 162; Ник., 1 (=Никифоров, 99), 2 (=Никифоров, 97), 3, 4, 5 (=Никифоров, 114), 6, 7, 8 (=Никифоров, 126), 9 (=Никифоров, 73), 10 (П); Онежск., с. 227—258 (=Господарев, 7); Коргуев, 14, 18; Чистов, с. 190—196; Никифоров, 106; Балашов, 27 (95); Ск. Поморья, 6; Сими́на, (16), 36, 44; «Опись сказочного собрания А. И. Никифорова», 38, 100, 169 (Заон.), 31, 93, 108, 113, 158 (Пин.), 66, 70, 87, 135, 136, 152, 169, 239, 267 (Мез.).

СУС 313А «Чудесное бегство»: Ончуков (5), (44), 56, 60, 227, 252; Соколовы, 66; Избр. мастера, 36; Ник., 2 (=Никифоров, 97), 3, (6); Карнаухова, 1, 102; Коргуев, 6, 18, (32); Никифоров, 41, 49, 97, 106; Сев. Двина, 6; Балашов, (21), 44, 48, 56, (95), 107, 135; Ск. Поморья, (12), 48; Сими́на, (4); «Опись сказочного собрания А. И. Никифорова», 31, 93, 96, (Пин.), 13,43, (Мез.).

СУС 532 «Незнайка»: Соколовы, (46), 129, 144; Карнаухова, 47; Ник., 2 (=Никифоров, 97), 3, (8) (=Никифоров, 126), 10 (П); Онежск., с. 174—226 (=Господарев, 5); Коргуев, 32, 33, (34); Никифоров, 98, 106; Балашов, 41; Ск. Поморья, (19); Сими́на, 36, 44; «Опись сказочного собрания А. И. Никифорова», 100 (Заон.), 108 (Пин.), 66, 68, 87, 169 (Мез.).

В местной сказочной традиции сюжет «Чудесное бегство» реализуется в многообразии версий. Н. Ф. Онегина выделяет две версии сюжета: «Антагонист (морской царь, царь-самоедин, черт, Кашей и т. п.) овладевает своей жертвой путем обманного договора: у купца среди моря (озера) останавливаются корабли или застревает борода в колодеце (озере) при попытке напиться. Купец, чтобы освободиться, соглашается отдать то, „чего дома не знает“. Оказывается, во время его отсутствия родился сын. Попав в царство водяного, юноша выполняет все задания царя с помощью его дочери-волшебницы и женится на ней. Затем они вынуждены спасаться бегством от преследования нечистой силы. Это самая распространенная версия. <...> Во второй версии рождается в семье не сын, а дочь, и она обещана водяному, отсюда иное развитие сюжета. Героиня сказки стремится избежать брака с водяным. Она спасается от нечистой силы благодаря помощи козы (козла, барана), которая прячет ее в тюк соломы (сена) и увозит. Спасенная выходит замуж за царевича. Далее возникает мотив „подменной жены“. Колдунья пытается уничтожить чудесного помощника героини (козу, барана). Все выясняется. Данная версия сюжета довольно редкая. Среди русских она обнаружена пока только в Карелии, зато довольно широко распространена у карел» (Ск. Заонежья, с. 202).

Сюжет нередко встречается в контаминации с другими сюжетами: «Мышь и воробей» (Ончуков, 60; Карнаухова, 102; Соколовы, 66);

«Чудесные дети» (Ончуков, 5); «Братец и сестрица» (Ончуков, 227), а также с сюжетами «Незнайка» и «Победитель змея» (Карнаухова, 47; Никифоров, 97, 106).

Наиболее близкий к публикуемой сказке вариант был записан А. И. Никифоровым на Мезени от М. Ф. Гольчикова из д. Лебская (Никифоров, 106).

В варианте, записанном от Д. М. Антонова, можно проследить отдельные мотивы сюжета «Свинка золотая щетинка» (СУС 530=АА 530В): герой перед подвигами отправляется в лес за грибами с корзинкой, уступает братьям (зятьям) первенство за отрезанные пальцы и кожу со спины (Никифоров, 125, 111; Ончуков, 68; Карнаухова, 45; Соколовы, 93). Все перечисленные варианты представляют собой контаминацию с сюжетом о «Сивко-Бурко».

8. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 327.

«Сказка про дедушкин колпак». Сказка записана от Василия Марковича Бобрецова, 78 лет, из д. Усть-Низема Сульского с/с Лешуконского р-на В. В. Митрофановой и С. Н. Азбелевым 21 июня 1961 г.

«Василий Маркович высокий, бодрый старик, помнит, что раньше многие пели былины, сам пел, но сейчас все забыл. Знал про то, как Илью Муромца в погреб засадили. Его мать тоже пела былины. Он знает сказки, серьезными, достойными внимания считает длинные волшебные. „Повертушки, что ребятам сказывают, много знаю“. Выяснить, какие это сказки, не удалось, так как о „повертушках“ Василий Маркович отказался говорить. Он не стал называть и известные ему сказки волшебные. „Если хотите, пишите, я сказывать буду“. Так как мы могли записать только одну сказку, то выяснить, какие он знает еще сказки, не удалось. Коротко он рассказал только сказку про царя, у которого было три сына, они искали хитрости, мудрости. Нашел Иван-царевич. Девушка цветы рвала, да в мешок складывала, а одной тяжело. Положила мешок, да куда-то побежала. А он за ней, пришел в город. А в том городе не было мужчин. Он нарядился девкой, пришел к старушке. Девки стали засматриваться <...>».

По его словам, это сказка про дедушкин колпак, ее он помнит из книжки» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 327, с. 1). «Это интересный человек, в его сказке чувствуется традиция, не то, что у Антонова, который просто пересказывал содержание» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 5, № 1. С. 11).

Сказка литературного (лубочного) происхождения, в основе которой лежат фольклорные мотивы сказок о волшебном помощнике.

9. РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 4, № 325.

«Про охотников». Записано от Егора (Георгия) Ивановича Ляпунова (Лобова),³⁵ 63 лет, из д. Вожгора Вожгорского с/с Лешуконского р-на Архангельской обл. В. В. Митрофановой, <С. Н. Азбелевым> 13 июня 1961 г. Егор Иванович Ляпунов, по сведениям С. Н. Азбелева, — Лобов, сын Ивана Лобова,³⁶ от которого в 1928 г. были записаны сказки. От

³⁵ В дневнике С. Н. Азбелева: Георгий Иванович Лобов.

³⁶ См.: Дневник экспедиции Института русской литературы Академии наук СССР на среднюю Мезень в июне 1961 г. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190,

Егора Ивановича была записана еще одна сказка «Про попа Семена и дьякона Калистрата», которая была опубликована в Ежегоднике Рукописного отдела Института русской литературы на 2007—2008 годы.³⁷

Сказки, записанные от Егора Ивановича, сопровождает следующее примечание В. В. Митрофановой: «Егор Иванович довольно бодрый старик, занимается охотой и рыбной ловлей. Был в старой армии, воевал в 1914 г., в Гражданскую войну, в Великую Отечественную. Сказок во время службы в армии не запомнил, те, которые знает, запомнил от отца и из книг. Любит рассказывать и вообще поговорить, но жена и теща его за это ругают. Теща его знает загадки, от нее записаны 9 номеров. Егор Иванович любит поговорки, пока говорили с ним (очень недолго), он сказал две: „Голь мудрена и без ужина спит“, „Голенький ох, а по голеньком Бог“. Больше всего любит Егор Иванович охотничьи рассказы. По его словам, старины сказывали странники, слепые, хромы, этим питались, а сейчас не знает никто. Сам он старин не знает и не знал» (РО ИРЛИ р. V, кол. 190, п. 4, № 324).

«Егор Иванович много знает рассказов всяких, но это все больше охотничьи, да прибаулки, как здесь говорят, рассказывает он и из книг. О нем говорят как о сказочнике, весельчаке-рассказчике, который в лесных избушках любит рассказывать. Однако в его репертуаре нет эпических вещей, больше охотничьи рассказы. Много рассказывать он не стал, так как было много работы. Жена и теща ругают его за то, что он не работает, а сказки рассказывает».

Сказочный текст представляет собой повествование на границе рассказа и сказочной традиции — бывальщину. Рассказчик повествует о реальном факте, прибегая при этом к художественному вымыслу (РО ИРЛИ, р. V, кол. 190, п. 5, № 1. С. 1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текстов, предисл., примеч. В. Я. Проппа. М., 1957. Т. 1—3.

Балашов — Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. И. Балашов. Л., 1970.

п. 5, № 1. С. 11). По уточненным данным фамилия сказочника была Ляпунов, поскольку среди материалов, записанных в ходе экспедиции 1928 г. И. В. Карнауховой, И. М. Левиной и А. И. Никифоровым, сказок Ивана Лобова не обнаружено, однако от Ивана Михайловича Ляпунова, 58 лет, из Вожгор А. И. Никифоровым были записаны четыре сказки. См.: *Пропп В. Я.* Описание сказочного собрания А. И. Никифорова // Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961. С. 363.

³⁷ Русские сказки в Удорском районе : (По материалам экспедиции 1961 г.) / Публ. Я. В. Зверевой // Ежегодник Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) на 2007—2008 годы. СПб., 2010. С. 667—669.

Волог. — Сказки и песни Вологодской области / Сост С. И. Минц, Н. И. Савушкина; Ред. Э. В. Померанцева и С. В. Викулов. Вологда, 1955.

Господарев — Сказки Филиппа Павловича Господарева / Зап. текста, вступ. статья, примеч. Н. В. Новикова. Общ. ред., предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941.

Ефименко — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1874. Ч. 2. Отд. «Сказки». С. 225—237.

Жив. ст. — Живая старина / Период. изд. Отд-ния этнографии Рус. геогр. о-ва. СПб.; Пг., 1890—1916.

Избр. мастера — Русская сказка : Избранные мастера / Ред., коммент. М. К. Азадовского. Л., 1932. Т. 1—2.

Карельск. — Русские сказки в Карелии : (Старые записи) / Подгот. текстов, статья, коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1947.

Карнаухова — Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. статья, коммент. И. В. Карнауховой; Предисл. Ю. М. Соколова. Л., 1934.

КНС I — Карельские народные сказки / Изд. подгот. У. С. Конкка; Общ. ред. В. Я. Евсеева. М.; Л., 1936.

Коргуев — Сказки М. М. Коргуева / Зап., вступ. статья, коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Кн. 1—2.

Коровина, 2002 — *Коровина Н. С.* Сказочная проза // Старообрядческий центр на Вашке : Устная и письменная традиция Удоры : Материалы и исследования / Отв. ред., сост. А. Н. Власов. Сыктывкар, 2002.

Никифоров, 1936 — *Никифоров А. И.* Победитель змея: (Из севернорусских сказок) // Советский фольклор. 1936. № 4—5. С. 143—242.

Никифоров — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.

Озаровская — *Озаровская О. Э.* Пятиречие. Л., 1931.

Онежск. — Песни и сказки на Онежском заводе. Петрозаводск, 1937. Отд. «Сказки». С. 127—288.

Ончуков — Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / Сост., подгот. текстов, вступ. статья, коммент., указ., словарь В. И. Ереминой. СПб., 2008.

Плесовский — *Плесовский Ф. В.* О взаимоотношениях между коми и русскими по историческим и фольклорным памятникам // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958.

Рождественская — Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Сост., вступ. статья, коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск, 1941.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909—1910. Т. 1—3.

Сев. Двина — Народное творчество Северной Двины / Сост., вступ. статья В. В. Митрофановой, Л. В. Федоровой. Архангельск, 1966.

Сенькина, 1988 — *Сенькина Т. И.* Русская сказка в Карелии. Петрозаводск, 1988.

Сими́на — Пинежские сказки / Собраны и записаны Г. Я. Симиной. Архангельск, 1975.

Ск. Заонежья — Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.

Ск. Пудожского края — Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина; Науч. ред. Э. В. Померанцева. Петрозаводск, 1982. (Памятники фольклора Карелии).

Ск. Поморья — Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина; Ред. И. М. Колесницкая. Петрозаводск, 1974.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов : Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

Цейтлин — *Цейтлин Г.* Поморские народные сказки. Архангельск, 1911.

Чистов — Перстенок-двенадцать ставешков : Избранные русские сказки Карелии / Сост., вступ. статья, коммент. К. В. Чистова. Петрозаводск, 1958.

Этногр. обзор. — Этнографическое обозрение / Изд. Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1889—1918. Кн. 1—112.